

ЛОРЕНС БЛОК

ЛОРЕНС БЛОК

ДЬЯВОЛ ЗНАЕТ,
ЧТО ТЫ МЕРТВ

АСТ

МОСКВА

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б70

Серия «Кино»

Lawrence Block

THE DEVIL KNOWS YOU'RE DEAD

Перевод с английского *И. Л. Моничева*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Художник *В. Н. Ненов*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Блок, Лоренс.

Б70 Дьявол знает, что ты мертв : [роман] / Лоренс Блок ;
[пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : АСТ, 2015. —
352 с. — (Кино).

ISBN 978-5-17-087976-2

Частный детектив Мэтт Скадлер не раз распутывал дела, которые казались полиции безнадежными, и рисковал жизнью, чтобы помочь своим клиентам избежать тюрьмы.

Однако теперь он почти не сомневается: бродяга Джордж Садепки виновен в убийстве уважаемого юриста Глена Хольцмана. Улики настолько красноречивы, что полиция готова закрыть дело.

И все-таки по просьбе брата подозреваемого Мэтт берется за расследование.

Шаг за шагом он пытается установить связь между Садепки и его жертвой, чтобы определить мотив.

Но чем дальше Мэтт продвигается вперед, тем больше у него вопросов. И самые важные из них — кем в действительности был Глен Хольцман и какие опасные тайны скрывал?..

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Lawrence Block, 1993

© Перевод. И. Л. Моничев, 2014

© Художник. В. Н. Ненов, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-087976-2

Памяти Сандры Кольб посвящается

Пусть дорога сама бежит тебе навстречу.
Пусть ветер всегда будет попутным.
И пусть ты успеешь попасть в рай
на час раньше,
Чем дьявол узнает, что ты мертв.

Ирландское напутствие

Глава 1

В последний четверг сентября Лайза Хольцман отправилась за покупками на Девятую авеню. Домой она вернулась между половиной четвертого и четырьмя часами, первым делом сварив кофе. Пока напиток капал в чашку, она заменила перегоревшую лампочку на только что купленную, убрала в холодильник продукты и прочитала рецепт приготовления, напечатанный на коробке с бобами фирмы «Гойя». Она сидела у окна, попивая кофе, когда зазвонил телефон.

Это ее муж Глен звонил с сообщением, что вернется примерно в половине седьмого. В его задержке на работе не было ничего необычного, и он всегда аккуратно уведомлял ее, когда его ждать. В этом смысле он всегда проявлял щепетильность, а его внимание к жене только повысилось за месяцы, прошедшие с тех пор, как она потеряла ребенка.

Было уже почти семь, когда он вошел в дверь. В половине восьмого они сели ужинать. Она приготовила тушеные бобы, добавив к рецепту, прочитанному на коробке, чеснока, свежего кориандра и обильную дозу соуса «Юкатака», снабдив гарниром из отварного риса и зеленого салата. Они ели, наблюдая закат солнца, видя перед собой темнеющий небосвод. Их квартира располагалась в новом высотном доме на углу Пятьдесят седьмой улицы и Десятой авеню, построенном по диагонали через дорогу от таверны Джимми Армстронга. Они жили на двадцать восьмом этаже, а их окна выходили на юг и на запад, и виды открывались потрясающие. Весь Вест-Сайд лежал как на ладони от моста Джорджа Вашингтона до парка Бэттери,

а с другой стороны — на противоположном берегу Гудзона — можно было видеть чуть ли не половину Нью-Джерси.

Они были красивой парой. Он — высокий и стройный. Темно-русые волосы зачесаны назад, образуя надо лбом отчетливый треугольник, а седина пока лишь еле заметно тронула виски. Темные глаза, смуглая кожа. Резко обозначенные черты лица чуть смягчал излишне вялый подбородок. Крепкие ровные зубы, обаятельная улыбка.

Одет он был так же, как всегда одевался, отправляясь в офис, — в хорошо сшитый темный костюм с полосатым галстуком. Снял ли он пиджак, прежде чем сесть за стол? Думаю, что снял. Мог повесить его на спинку стула или на дверную ручку. Но скорее всего воспользовался вешалкой — он и в таких вещах любил порядок и аккуратность. Мне легко представить, как он сидит за столом, закатывая рукава оксфордской сорочки в синюю полоску с концами воротника, пристегнутыми пуговицами, а галстук перебросив через плечо, чтобы не насажать жирных пятен от еды. Я однажды видел, как он это делает, в кофейне под названием «Утренняя звезда».

Она, напротив, не отличалась высоким ростом, но тоже обладала стройной фигуркой, скромно коротко подстриженными прямыми темными волосами, кожей фарфоровой прозрачности и поразительно яркими голубыми глазами. Ей уже исполнилось тридцать два, но выглядела она моложе, а вот ее муж казался старше своих тридцати восьми лет.

Я не знаю, во что была одета она. Скорее всего в джинсы, подвернутые снизу и уже заметно протершиеся на коленях и на ягодицах. А еще, должно быть, в желтый хлопковый свитер с глубоким вырезом и с рукавами, которые тоже обычно закатывала, обнажая руки до локтей. На ногах коричневые замшевые домашние тапочки.

Но это лишь догадки, упражнение на развитие воображения. Я действительно не знаю, что было на ней.

Между половиной девятого и девятью он сказал, что ему нужно ненадолго уехать. Если он прежде снял пиджак, то теперь надел его снова и сверху накинул пальто. Ей он обещал вернуться в течение часа. Ничего особенно важного,

сказал он. Просто возникла необходимость кое-что уладить.

Думаю, оставшись одна, она помыла посуду. Налила себе еще кофе и включила телевизор.

В десять часов она начала беспокоиться. Но сказала себе не глупить и провела следующие полчаса у окна, любуясь видом, который один тянул на миллион долларов.

Примерно в половине одиннадцатого снизу позвонил швейцар и сказал, что к ней поднимается полицейский. Когда он вышел из лифта, она уже ждала в общем холле. Это был высокий, гладко выбритый молодой ирландец в синем мундире, и она потом вспоминала, что он выглядел в точности так, как и положено полисмену.

— Добрый вечер, — сказала она. — В чем дело? Что-то случилось?

Он не вымолвил ни слова, пока они не вошли в квартиру, но к тому моменту она уже все поняла. Выражение его лица было слишком красноречиво.

Ее муж находился на углу Одиннадцатой авеню и Западной Пятьдесят пятой улицы. Вероятно, он собирался позвонить из телефона-автомата, установленного в том месте, когда кто-то, по всей видимости желая ограбить его, произвел четыре выстрела в упор, что послужило причиной летального исхода.

Были другие подробности, но она больше ничего не воспринимала. Глен умер. Остального ей не хотелось ни знать, ни слышать.

Глава 2

Я впервые встретился с Гленом Хольцманом однажды в апрельский вторник, а апрель считается самым неприятным месяцем. Т. С. Элиот* написал об этом в «Бесплодной земле», а он, вероятно, разбирался в этом. Хотя даже не знаю. Мне все месяцы кажутся одинаково противными.

* Томас Элиот (1888—1965) — американский поэт и критик. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Наша встреча произошла в галерее Шандора Келлсти-на — одном из дюжины выставочных залов в пятиэтажном здании на Пятьдесят седьмой улице между Пятой и Шестой авеню. Это было открытие традиционного весеннего шоу работ группы современных фотографов, и снимки семи из них демонстрировались в просторном помещении третьего этажа. Друзья и родственники всех семи собрались там по такому случаю, а заодно пришли и любители вроде Лайзы Хольцман и Элейн Марделл, которые по четвергам посещали вечерние курсы под заманчивым наименованием «Фотография как абстрактное искусство» при колледже Хантер.

Накрыли стол с красным и белым вином, разлитым в пластмассовые бокалы на тонких ножках. На закуску подали сыр, нарезанный кубиками, с цветной зубочисткой в виде шпажки, торчавшей из каждого. Еще была содовая вода. Я налил себе немного и разыскал Элейн, которая представила меня Хольцманам.

Я посмотрел на него и решил, что он мне не нравится.

Но я убедил себя, что это нелепо, и пожал ему руку, ответил на его улыбку. Через час мы вчетвером ужинали в тайском ресторане на Восьмой авеню. Ели что-то с лапшой, и Хольцман заказал себе пива. Остальные пили сильно охлажденный тайский кофе.

Разговор у нас толком не клеился. Мы начали с обсуждения вернисажа, где только что побывали, кратко затронули стандартный набор тем — местную политику, спорт, погоду. Я уже знал, что он юрист, а теперь выяснилось и название компании, на которую он трудился. Это была издательская фирма «Уоддел энд Йонт», специализирующаяся на выпуске большим форматом и крупным шрифтом книг, выходивших ранее в других издательствах.

— Скучнейшее дело, — сказал он. — В основном занимаюсь составлением договоров, но временами приходится писать кому-то письма в жестких выражениях. Вот это искусство я бы с удовольствием передал по наследству. Как только наш парень немного подрастет, научу его писать жесткие письма.

— Или ее, — сказала Лайза.

Ребенок — он или она — еще только должен был родиться осенью. Вот почему Лайза пила кофе со льдом вместо пива. Элейн вообще никогда много не пила, а сейчас и вовсе бросила. Что до меня, то пришлось сделать вид, что выпадают редкие дни, когда я тоже не пью.

— Или ее, — согласился Глен. — Мальчик или девочка, но наш ребенок может побрести по унылой тропе папочки. Мэтт, зато ваша работа должна быть увлекательной. Или у меня только сложилось такое впечатление, потому что я посмотрелся телевизора?

— Бывают интересные моменты, — ответил я, — но по большей части я тоже занимаюсь повседневной рутинной. Как все.

— Вы ведь служили в полиции, прежде чем уйти на вольные хлеба?

— Точно так.

— И как поживает ваше агентство?

— Когда они мне звонят, — объяснил я, — работаю по-прежнему на контору под названием «Надежность» и берусь за любую внештатную работу, которая подворачивается под руку.

— Готов предположить, вам много приходится заниматься случаями промышленного шпионажа. Обиженные сотрудники нередко пытаются продать конкурентам информацию о своих работодателях.

— Бывает.

— Но не часто?

— У меня нет лицензии, — сказал я, — и потому меня обычно не нанимают корпоративные клиенты. То есть напрямую. Такую работу я получаю через «Надежность», но в последнее время мне больше приходится разбираться с нарушениями при использовании торговых марок.

— Торговых марок?

— Да. Всем — от поддельных часов «Ролекс» до незаконного размещения названий фирм на свитерах и бейсбольных кепках.

— Звучит занятно.

— Ничего занятного, — сказал я. — Это уличная разновидность написания людям суровых писем.

— Тогда вам тоже хорошо бы завести детей, — сказал он. — Этот навык вы наверняка захотите передать новому поколению.

После ужина мы отправились к ним домой и издали положенное количество восторженных охов и ахов по воду видов из окон. Из квартиры Элейн частично виден противоположный берег Ист-Ривер, а из своего номера в отеле я могу разглядеть верхушки башен Всемирного торгового центра, но виды из окон Хольцманов затмевали все это с легкостью. Сама их квартира была скорее маленькой: гостевая спальня, например, не превышала размерами десяти квадратных футов. Потолки казались слишком низкими, имелись и некоторые другие не слишком приятные особенности планировки, характерной для новых жилищных проектов. Но вид с лихвой искупал любые недостатки.

Лайза сварила кофе без кофеина и завела речь о колонках знакомств в газетах, упомянув, что знает многих весьма уважаемых людей, которые не гнушаются публиковать в них свои данные.

— А как еще людям встретить друг друга в наши дни? — задала она риторический вопрос. — Нам с Гленом просто повезло. Я как раз пришла в «Уоддел энд Йонт», чтобы показать свою книгу их художественному редактору, и мы буквально столкнулись друг с другом в вестибюле.

— Я заметил ее еще из противоположного конца зала, — ухмыльнулся Глен, — и уж позаботился о том, чтобы мы, черт возьми, «буквально столкнулись друг с другом».

— Но часто ли такое происходит с другими людьми? — продолжала Лайза. — Как, например, встретились и сошлись вы, если это не слишком нескромный вопрос?

— Через колонку знакомств, — сказала Элейн.

— Неужели?

— Нет, конечно. На самом деле мы крутили роман несколько лет назад. Потом разбежались, потеряли друг друга из виду. И вдруг снова случайно встретились...

— А прежняя магия никуда не делась? Очень красивая история.

Может, и так, но только назвать нашу историю «очень красивой» язык почему-то не поворачивался. Мы действительно познакомились давным-давно в какой-то ночной забегаловке, когда Элейн была премиленькой и совсем молоденькой «девушкой по вызову», а я служил детективом в Шестом участке, где, честно говоря, проводил больше времени, чем с женой и двумя сыновьями, обитавшими на Лонг-Айленде. А через несколько лет объявился психопат из нашего общего с Элейн прошлого, который всерьез надумал убить нас обоих. Так мы снова невольно сблизились. И да, прежняя магия никуда не делась. Мы ухватились друг за друга. Пока связь не обрывалась, хотя не выглядела прочной.

Впрочем, определенная красота в наших отношениях все же присутствовала, но поскольку в истории фигурировали и эпизоды, о которых лучше было не рассказывать, ничего другого добавить не получалось. Тогда Лайза рассказала о приятельнице одной своей знакомой, разведенной женщине, которая откликнулась на объявление в журнале «Нью-Йорк», в назначенный час отправилась на свидание в назначенное место, где встретила своего бывшего мужа. Они восприняли это как знамение свыше и снова сошлись. Глен заявил, что не верит в такие истории. В них нет смысла. Он слышал подобные байки в десятках вариаций, но ни одну из них не посчитал правдоподобной.

— Это городской фольклор, — сказал он. — Таких анекдотов сотни. Но они всегда случаются со знакомым твою знакомому, но не с кем-то, кого ты знаешь лично. А все дело в том, что на самом деле ничего подобного не происходит. Представьте, есть ученые, которые собирают подобные небылицы и пишут книги на их основе. Хотя на деле это как немецкая овчарка в чемодане.

На наших лицах отразилось, должно быть, недоумение.

— Бросьте, никогда не поверю, что вы не слышали этой якобы реальной истории, — сказал Глен. — У одного муж-

чины умерла собака. Он пребывает в страшном горе и сначала не знает, что делать. Но потом укладывает мертвого пса в большой дорожный чемодан и отправляется то ли к ветеринару, то ли прямо на кладбище домашних животных. По дороге он останавливается, чтобы передохнуть и перевести дух, ставит чемодан на асфальт, а какой-то ханыга подхватывает его и убегает. Ха-ха-ха, вообразите себе физиономию несчастного ворюги, когда он открывает тяжеленный украденный чемодан и видит там всего лишь собачий труп! Уверен, вы слышали этот анекдот не раз с добавлением живописных деталей каждым новым рассказчиком.

— Я слышала что-то такое про добермана, — призналась Лайза.

— Какая разница? Доберман или овчарка. Годится любая крупная псина.

— В той версии, которую слышала я, — сказала Элейн, — фигурировала женщина.

— Совершенно верно! А приличный с виду молодой человек предложил ей помочь нести чемодан.

— Но в чемодане, — продолжала она, — лежал труп ее бывшего мужа.

На этом обсуждение городского фольклора пришлось свернуть. Неутомимая Лайза переключилась с темы личных объявлений на секс по телефону. Она видела в этом чуть ли не символ девяностых годов, порождение кризиса, связанного со СПИДом, облегченное распространением кредитных карт и телефонных номеров, начинавшихся на 900*, и общее проявление предпочтения, которое люди стали отдавать фантазии над реальностью.

— Эти девушки неплохо зарабатывают, — заметила она, — а только и делают, что говорят по телефону.

— Девушки? Половина из них тебе в бабушки годится.

— Ну и что? Для немолодых женщин в этом и состоит огромное преимущество. Для такой работы не нужно ни эф-

* При разговоре по такому номеру только первая минута стоит дорого, а потом тариф становится минимальным.

фектной внешности, ни молодого личика. Требуется только живое воображение.

— Ты хотела сказать, грязное воображение, не так ли? И еще нужен сексуально возбуждающий голос.

— Как считаешь, у меня достаточно сексуальный голос?

— Пожалуй, — ответил Глен, — но я здесь не могу считаться беспристрастным судьей. И к чему такие вопросы? Только не говори, что подумываешь заняться этим.

— Признаюсь, — сказала она, — мне приходили в голову подобные мысли.

— Ты ведь шутишь, верно?

— А что в этом такого? Когда ребенок будет спать, а я сидеть здесь одна...

— И ты готова снять трубку, чтобы вести грязные разговоры с незнакомыми мужчинами?

— Как тебе сказать...

— Разве ты не помнишь, как еще до замужества тебя доставали непристойными звонками?

— Это было совсем другое.

— Ты тогда с ума сходила.

— Да, потому что звонил какой-то извращенец.

— Ах, вот в чем, оказывается, разница! Кем, как ты думаешь, будут твои клиенты? Бойскаутами?

— Главное отличие в том, что мне будут платить за это, — сказала она. — В таком случае я не буду чувствовать себя униженной. По крайней мере мне так кажется. А что ты думаешь об этом, Элейн?

— Мне идея не по душе.

— Естественно, не по душе, — кивнул Глен. — У тебя же не грязный склад ума.

Когда мы приехали домой к Элейн, я сказал:

— Как зрелая дама ты имеешь огромные преимущества. Жаль, однако, что твой ум недостаточно грязен для секса по телефону.

— Смешно получилось, правда? У меня чуть не сорвалось кое-что с языка.

— Я ждал, что непременно сорвется.